

НОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ДЛЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Распространение информационных технологий, преобразуя повседневную жизнь человека, меняет и повседневный жизненный опыт, формирующий его личность. Главным дефицитом эпохи для бизнеса становится внимание пользователя (конкуренция за внимание стремительно ужесточается: так, в седи-

сти преимущественно железами внутренней секреции и вырабатываемыми ими гормонами. Индивидуальный разум, освобожденный от логики, в современном понимании при этом исчезнет и если и сохранится, то лишь как элемент коллективного разума, — вероятно, утратив индивидуальное самосознание. Хотя нельзя исключить ни сохранения второй сигнальной системы даже в условиях распада общей коммуникативной среды, ни создания человеком системы прямого обмена образами, в том числе и универсальными, минуя воплощенные в словах костыли логических абстракций, с переориентацией второй сигнальной системы со слов на эти образы (что может быть достигнуто, например, прямым подключением к Интернету при помощи мозговых имплантов). Пока же мы испытываем намного более поверхностные изменения, по-прежнему не осознавая их закономерный характер.

Михаил ДЕЛЯГИН

ЧЕЛОВЕК-ТРАНСФОРМЕР

Техносоциальная эволюция в XXI веке

Окончание. Начало — на стр. 1

ДЛЯ РАСКРЫТИЯ механизма интуитивного, бессознательного мышления, пока еще только поддразнивающего над костылями формальной логики, можно предположить высокую устойчивость однажды возникшей информации, которая, по крайней мере, частично сохраняется, образуя подающее восприятию так называемое "информационное поле".

С этой точки зрения творчество — не только создание индивидом новой информации на основе переработки уже имеющейся у него, но и "подключение" его к этому "информационному полю", воспринимаемое как внелогическое "творческое озарение". Это резко повышает возможность индивидуального сознания как по объему воспринимаемой информации, так и по скорости ее обработки. (Вероятно, что и при создании новой информации, и при "подключении" к информационному полю ключевую роль играет такое специфическое свойство человеческой психики, как эмоциональность). "Информационное поле" — прообраз "сетевого" или "распределенного" компьютера, память которого и важнейшая часть инструментов ее обработки входят в аналоге Всемирной сети (возможно, протяженной не только в пространстве, но и во времени). Потенциальный же пользователь располагает инструментами доступа к ней и в исключительные моменты обретает, — как правило, неосознанно, — возможность пользования ими. В рамках данной гипотезы эволюция индивидуального сознания ведет его при помощи компьютерных технологий к формированию сознания коллективного, над-индивидуального. Последнее даже без учета компьютерных сетей постепенно объединит в единый эмоционально-интеллектуальный контур (так как физические организмы будут разными) если не все человечество, то его наиболее творческую и при этом "информатизированную" часть.

Симптомы движения к формированию такого коллективного сознания уже налицо — правда, пока не за счёт "подключения" творческих работников к общему "информационному полю" (скрытого от внешнего наблюдателя). Они ощущаются на более низко организованном и технологически примитивном уровне, не требующем появления современных технологий, — на уровне отдельных организаций, представляющих собой бюрократические организации, объединяющие и отчасти перерабатывающие отдельные индивидуальные сознания. Вероятно, этот процесс идёт и на уровне обществ.

С другой стороны, потребности рутинного труда, игравшего ключевую роль на протяжении всей истории, соответствовало относительно простое, алгоритмизируемое логическое мышление, которое за счет высокой степени абстрагирования соответствовало возможностям индивидуального сознания.

Творческий же труд требует более сложного эвристического мышления, оперирующего целостными образами, а не упрощенными логическими конструкциями (словами). Этим он предвещает более высокие требования к "мощности" сознания, которые, похоже, превосходят возможности бытия индивидовальных сознаний, и стимулирует формирование надличностного, коллективного сознания, которое по исторической традиции можно было бы назвать "сознанием нового типа". Снижение значимости логического мышления в пользу внелогического, базирующегося на образах (это касается и творческого, и мистического его типов), уже создает ошутимые общественные проблемы. В силу своей парадоксальности для нашего в основном пока еще логического сознания они обычно воспринимаются не как базовые закономерности, а как случайные досадные флуктуации, — и потому не анализируются должным образом.

Очевидные, нарастающие даже в единой культурной среде проблемы с коммуникациями, — закономерные, а отнюдь не случайные и сами собой преходящие явления. Причина проста: внелогическое мышление не имеет того единого, универсального языка для взаимодействия разных типов сознания, которое дает логика. Оно оперирует образами, а образы у каждого свои.

Это нарушение коммуникативной среды, настолько привычное для нас, что мы не осознаем его как нечто отличное от самих себя, особенно значимо с учётом той исключительной роли, которую играет язык для формирования и развития личности, а единый общественный язык — для её социализации. Исчезновение единого универсального языка может привести через некоторое время и к распаду основанной на нём второй сигнальной системы, что может иметь последствия не только для облика и образа действия, но даже и для самого существования человечества как такового.

В этом случае человек может вернуться к свойственному животным регулированию своей деятельно-

сти преимущественно железами внутренней секреции и вырабатываемыми ими гормонами. Индивидуальный разум, освобожденный от логики, в современном понимании при этом исчезнет и если и сохранится, то лишь как элемент коллективного разума, — вероятно, утратив индивидуальное самосознание. Хотя нельзя исключить ни сохранения второй сигнальной системы даже в условиях распада общей коммуникативной среды, ни создания человеком системы прямого обмена образами, в том числе и универсальными, минуя воплощенные в словах костыли логических абстракций, с переориентацией второй сигнальной системы со слов на эти образы (что может быть достигнуто, например, прямым подключением к Интернету при помощи мозговых имплантов). Пока же мы испытываем намного более поверхностные изменения, по-прежнему не осознавая их закономерный характер.

не "нулевых" годов среднее время пребывания на Интернет-ресурсе превышало 3,5 минуты, а в середине 2010-х составило уже лишь 17 секунд), а для пользователя — эмоции; строго говоря, люди стремятся уже к получению не столько тех или иных благ, сколько эмоций. Сущностью современного информационного взаимодействия является обмен внимания пользователя на получаемые им эмоции. Содержательная деятельность по изменению реального мира как таковая в этих условиях перестает быть главной ценностью и главным по значимости для развития человечества фактором, уступая место деятельности сначала (в 90-х и в первой половине "нулевых" годов) по изменению человеческого сознания, а с конца "нулевых" — уже по непосредственному производству эмоций.

Это изменение человеческой деятельности глубоко меняет личность человека, — в первую очередь, разумеется, молодежи, формирующейся уже целиком в новых условиях (личности старшего поколения, сформировавшиеся в индустриальную эпоху или на ранних этапах информационной революции, в условиях формирования сознания, а не производства эмоций, лишь корректируются ими).

Главное — формирование личности не относительно глубокими переживаниями, связанными с непосредственно прожитыми событиями собственной жизни, а переживаниями достаточно поверхностными, связанными с потреблением готовых эмоций, представленных соцсетями и платформами. Оказалось, что даже переживания, связанные с традиционными формами искусства (книги, живопись, театр и кино), вызывают более глубокие и устойчивые чувства, чем порождаемые социальными сетями и медиа, — и, соответственно, формируют более глубокие и устойчивые психологические структуры личности (взгляды, убеждения, ценности).

Создаваемая информационными технологиями личность отличается от традиционной, как правило, отсутствием жесткой структуры (глубоких убеждений, устоявшейся системы ценностей) и пластичности, способностью легко менять свои взгляды и пристрастия в зависимости от сравнительно слабых внешних раздражителей и информационных сигналов, испытывать не того удовольствие и даже часто не замечать происходящих с собой изменений.

Прямое, хаотичное и без усилий (которые и формируют устойчивые структуры личности) потребление эмоций из Сети делает современную информатизированную личность не только пластичной, но и мозаичной: способной одновременно испытывать разные чувства и давать противоположные оценки одним и тем же событиям. Мозаичность личности, дополняемая мозаичностью (то есть разрозненностью) восприятия и составляемой на основе этого восприятия картины мира, позволяет избежать дискомфорта состояний при помощи устойчивых операторов аутоуправления вроде "и вы тоже правы", "и это тоже имеет право на существование". Одновременное принятие несовместимых ценностей установок, обычное и нормальное для такой личности, означает отказ от каких бы то ни было ценностей ради главной и остающейся единственной, вытекающей все остальные, — личного комфорта.

Одновременное сосуществование разных оценок

одних и тех же явлений может переводить мозаичность личности в качественно иное состояние ее множественности: фактическому сосуществованию в одном теле разных личностей с разными взглядами, психиками и нормами, переключение между которыми происходит случайным образом под воздействием тех или иных эмоций.

Мозаичность личности породила феномен "квантовой политики", при котором управляющая система одновременно осуществляет противоположные действия в отношении одного и того же объекта: например, пытаясь уничтожить Россию развязыванием новой "холодной войны" и стремясь углубить сотрудничество с ней по значимым для себя направлениям.

Существенным препятствием для развития личности стал так называемый "кокон комфорта", формируемый соцсетями и платформами. Ради удержания внимания пользователя стандартные маркетинговые технологии обеспечивают автоматизированное формирование в них наиболее комфортной социальной среды. Пользуясь "своей" социальной платформой, Вы видите то, что Вам нравится, общаетесь с теми, в ком нуждаетесь, в опережающем Вашем желании формате получаете обеспечивающую Вас комфортными эмоциями информацию (не обязательно позитивную, но подкрепляющую Вашу систему взглядов), — и этот комфорт лишает Вас стимулов к развитию, так как у Вас и так всё прекрасно, и Вам просто незачем, как говорят психологи, "выходить из его зоны". Прогресс Вашей личности

блокируется комфортом надежней, чем любыми запретами, — и Вы начинаете деградировать.

Помимо прочего, деградации "Человека способствует его нейропсихологизация... Мозг расходует больше энергии, чем любой орган... около 20% энергии, ...хотя составляет только 2% ...веса тела. При... интенсивном мышлении энергозатраты возрастают до 25-27%. Думать — энергозатратно, а потому, с эволюционной точки зрения, зачастую — невыгодно. Если социум не предъявляет к своим членам повышенных интеллектуальных требований, люди склонны минимизировать сложные мыслительные процессы и замещать сознательное поведение психофизиологическими и социальными автоматизмами".

В 2015/16 гг. до 70% жителей США и более 80% жителей Евросоюза удовлетворялись уже освоенными, постоянно посещаемыми ими ресурсами Интернета и соцсетей и лишь пассивно потребляли информацию, не расширяя зону своего внимания. В США у среднего пользователя 21-45 лет на один запрос о новом объекте интереса и внимания приходится более 70 рутинных запросов, уточняющих отдельные характеристики объектов, хорошо известных пользователям.

Елена Ларина отмечает: "Тринутительное сужение когнитивного разнообразия пользователей поисковыми и платформами в погоне за (их) вниманием... ведет к социальной инстинктизации, вырабатывает автоматизм и усиливает стереотипы поведения. Как

юющийся насыщению, как и при любой зависимости наркотического типа) эмоциональный голод.

Этот голод порождает потребность в постоянной вовлеченности (причем не так уж и важно, во что именно) как надежно изолирующий от реальности наркотик, переход от "клипового" сознания к "кликловому", которое характеризует быстрота неосознанной реакции и постоянная потребность в новом краткосрочном взаимодействии. В результате то, что в 90-е годы воспринималось как "интернет-зависимость", в середине 10-х, когда американцы 18-35 лет обращаются к гаджетам не реже, чем каждые 10 минут (причем промежутки между обращениями сокращаются в геометрической прогрессии), приобретает характер "переселения молодежи в цифровой мир", — вероятно, на полпути к переселению в мир виртуальный.

Специфические черты "кликлового" сознания — разорванность причинно-следственных связей, неспособность и нежелание их выстраивать, фрагментарность и ограниченность восприятия, а также порожденные этим отсутствие критического мышления, внушаемость и рабская зависимость от авторитетов, — дополняются в "кликловом" сознании постоянной потребностью в получении новой эмоции, быстрым отклике на нее, получении эмоции от результата своего отклика и, тут же, в немедленном переключении на новый источник новой эмоции. "Кликловое" сознание постоянно нуждается в незамедлительной реакции на разрозненные внешние раздражители ради эмоции, а не содержательного результата. Неспособность фокусироваться на решении той или иной задачи (или хотя бы просто концентрировать внимание) и прилагать систематические усилия для достижения цели, не говоря уже о долгосрочном целеполагании, характерная для "кликлового" мышления, существенно усугубляются в "кликловом". А ведь снижение способности целеполагания — это снижение разумности как таковой!

экспериментально показал российский нейрофизиолог и нейропсихолог С. Савельев, автоматизация познавательной поведенческой активности ведёт к морфологическим изменениям в головном мозге. Благодаря потрясающей пластичности мозга церебральное закрепление алгоритмического поведения происходит не в течение миллионов и тысяч лет и даже столетий, как считалось до последнего времени, а ...в период, измеряемый десятилетиями".

Для общества деградация личности — классическое проявление закона сохранения рисков: минимизация индивидуальных рисков (в данном случае дискомфорта состояния) ведет к деградации и разрушению всей системы. Традиционная личность индустриальной эпохи формировалась собственными осознанными (чаще, правда, менее, чем более) усилиями по достижению целей. Ценностной информатизированной личности вместо достижения цели становится сиоинутный комфорт, которому она с удовольствием приносит в жертву свои интересы вплоть до физического выживания. Предпочтение даже насущным интересам позитивных сиоинутных эмоций, избегание дискомфорта в прямом смысле слова любой ценой ведет не только к доминированию краткосрочных целей над долгосрочными, но часто и к отключению инстинкта самосохранения — вплоть до гибели (так, в "конфликтах малой интенсивности", предоставивших усилиями США колоссальный материал наблюдений за массовым поведением, значительная часть населения захватываемых экстремистами территорий постоянно и систематически не покидает их, несмотря на очевидную угрозу гибели, предпочитая сохранение текущего комфорта сохранению своей жизни в среднесрочной перспективе).

Фокусирование личности на непосредственном потреблении эмоций, в готовом виде поставляемых информационных технологиями, драматически снижает уровень рефлексии, самопознания и познания окружающего мира. Поведением человека начинают управлять сменяющиеся как в калейдоскопе эмоции, а не размышления (какими бы примитивными они ни были), и закрепляемые на основе многократного повторения эмоций неосознанные ощущения. Неосознанность этих закрепленных ощущений не позволяет в последующем корректировать их сколь-нибудь сознательным образом; они меняются только под давлением нового направленного "вала эмоций", постепенно размывающего их и замещающего их другими.

Непосредственным следствием разрушения самосознания личности является утрата психической устойчивости, часто выглядящая как невинная повышенная эмоциональность. Зависимость от эмоций приобретает наркотический характер (отсюда широкое распространение игромании и зависимости от соцсетей и платформ), причем поверхностный, неглубокий характер поставляемых в готовом виде эмоций создает потребность в их постоянном обновлении, — своего рода постоянный ненасыщаемый (и, вероятно, в принципе не подда-

Всё это роднит "кликловое" и "кликловое" сознание — с образным, творческим, освобожденным компьютером от оков логики. Возможно, они являются проявлением общей тенденции перехода от логического мышления к образному. Однако неспособность к самостоятельности, отсутствие воли, слабость или утрата сознательного целеполагания делают эти типы сознания в основном бесплодными, — как в рамках логического мышления в основном бесплодным было мышление схоластическое.

Как отмечает та же Елена Ларина: "Ситуацию усугубляет стремительное падение как качества доступной человеку информации, так и его способности воспринимать ее. Доля оригинального текстового контента в интернете упала с 75-80% в 2000 г. до 30-35% в 2010 г., а в 2017 г. не превышала 5-7%. Интернет превратился в свалку косноязычного и неосмысленного плагиата, — а "растущая доля населения глубокие информационно насыщенные, практически полезные ресурсы воспринимает как... бесполезную информацию. Уже сегодня большинство людей просто не обладают необходимыми знаниями и познавательными навыками, чтобы воспринять, а там более осмыслить сложный контент".

Неосознанность действий, повышенное подчинение хаотичным эмоциям объективно снижает значимость высшей нервной системы и сдвигает баланс регуляции деятельности организма в пользу гормонов, вырабатываемых железами внутренней секреции (что, строго говоря, характерно для животных).

Трансформация личности под воздействием информационных технологий дополняется воздействием разнообразных лекарств в их никем не изучаемых сочетаниях (химических стимуляторов мозговой активности, а в США — регуляторов нервной системы и обезболивающих, ставших значимой причиной смертности).

Следующим этапом трансформации личности может стать распространение мозговых имплантов, объединяющих в сеть и частично управляемых по Интернету. Еще в 2013 году в США было продано более 12 млн. привязанных к Интернету имплантов; большинство решало локальные физиологические задачи (контроль за деятельностью сердца, блокирование боли, предупреждение воспалений), но массовое стимулирование мозговой активности и прямой доступ к Интернету представляются близким будущим, — которое не только ускорит, но и вновь откорректирует изменение личности.

В 2017 году такие импланты использовало уже более 25 американцев. В течение 5-10 лет их доля вырастет до 15-20%, и, с отставанием в 5-7 лет, за США пойдут остальные развитые страны.

А если к психофизиологическому и поведенческому программированию в ближайшие годы добавится биофизиологическая алгоритмизация, то, действительно, влору будет говорить о трансформации Homo sapiens (человека разумного) в Homo programmable (человека программируемого).

ТО, ЧТО представляет из себя современное китайское общество, вселяет колоссальный оптимизм. Это общество, способное на стратегическое планирование, постановку и решение долгосрочных задач. Это общество очень рационально, очень последовательно и одновременно очень трезво использует собственные ресурсы. Это полупотармиллиардное население, которое является второй экономикой мира и имеет все шансы стать первой.

Это общество совершенно осмысленно отвергает однопольную гегемонию Запада — оно с ним взаимодействует, пытается извлечь выгоду из технологических стратегий, во в то же время по всему периметру китайской территории стоят фильтры, которые пропускают в китайское общество только то, что не грозит его разрушить, только то, что полезно Китаю.

Китай настолько фундаментален в своём взаимодействии с Западом, прагматичен и непоколебим в своих установках, что дышание захватывает. Для Китая Запад — "одно из", в то время как для многих из нас Запад — либо "всё", либо "зло". Китайцы не ненавидят Запад, не стремятся разрушить, но и не считают его особенно важным. По большому счёту им на Запад плывать — вернее, западная цивилизация вызывает у них лишь вежливый интерес.

Китайцы не зависят от Запада — они вступают во взаимодействие. Как только замечают, что эта гегемония проникает в китайское общество, они обрубают канал.

Примечательно, что в Китае выборов нет. Везде выборы — это фарс, и китайцы решили не тратить на это время и силы.

Они идут своим путём. Прелесть Китая в том, что он гарантирует нам многополярный мир. Есть что-то гипнотическое в спокойствии Китая в утверждении своего собственного могущества, которое распространяется по планете. Он действует по другому алгоритму, перед ним бессильны заклинания "прав человека" и "гражданского общества". Они могут слушать вас, но им это абсолютно всё равно.

Эта цивилизация создаёт неснимаемый полюс, который уже не будет западным. Они создали возможность выбора для всех остальных: Индии, исламского мира, нашего... У них совсем другая культура, другие ценности и другая еда — они совершенно другие, и они не потеряют гегемонии. А это значит, эта гегемония перестаёт действовать, это уже не глобальная, а локальная гегемония. Китайцы возмрут на себя фундаментальную нагрузку по поддержанию многополярного мира. Если они создадут свою гегемонию, она будет совершенно иной — они пока не спешат этого делать и готовы рационально признавать интересы других цивилизаций, если они готовы доказать свою состоятельность.

Это шанс. Это не значит, что они безвредные и заведомо дружелюбные; с этой силой надо быть крайне осторожными. Если мы хотим сохранить наши территории, надо быть предельно бдительными. Мощь Китая должна нас стимулировать быть лучше.

Александр ДУГИН

В номере представлены материалы круглого стола "В поисках русской мечты и образа будущего".

Приведён доклад Изборскому клубу "Священная история — эльдас и сейчас" (под редакцией Виталия Аверьева), авторские доклады Вардана Багдасаряна "Священная история — основа национального самосознания" и Владимира Можгова "Два мессиянства. Противостояние". Также можно ознакомиться со статьями: Виталия Даренского "Святая Русь как метафизическое оружие", Владимира Большакова "Священная история Русской цивилизации и её системные кризисы", Егора Холмогорова "Очерки об агиополигике", Шамали Сугганова "Мистика суфийского "вакта", Валерия Коровина "Битва за концы истории", Михаила Кильдешова "История ведёт тебя к вечности", протоиероа-на Владимира Василика "Война священная. О промыслительном значении двух отечественных войн".

Рубрика "Стихия" знакомит с поэзией Сергея Арутюнова.

Справки по телефону: 8-985-256-91-24.

РОССИЯ 3000

В ПЕРВОЙ ЗАПИСИ "Россия-3000" мы вспомнили, как в 90-е годы прошлого века шёл распад системы обороны страны, как разрушалась армия и к каким трагическим последствиям это привело. Спустя пятнадцать лет со всей очевидностью стала понятна преступная ошибочность этой политики. Безоружная Россия была заперта и фактически изолирована в "медвежьем углу"; полным ходом шёл новый колониальный передел мира, при котором у нашей страны, назначенной сырьевым придатком развитых стран Запада, были все шансы стать колонией, не имея возможностей как-либо защищать свои национальные интересы.

И в этих условиях новое российское руководство приняло единственно правильное решение — восстановить оборонные возможности страны. Реанимировать её ВПК, воссоздать мощную современную армию. На фоне руин военной промышленности и стремительно дряхлеющей армии это была сверхзадача, настоящей национальной проект, с которым мы блестяще справились.

На эти цели в рамках "программы 2020" — перевооружения и перевооружения Российской армии — было выделено свыше 20 трлн рублей до 2020 года, и поч-

ти столько же на восстановление заводов и концернов ВПК. Это были огромные деньги, и они были вложены не зря!

Согласно мартовскому посланию Владимира Путина Федеральному собранию, за период с 2012 по 2018 год оснащённость российских Вооружённых сил современными видами оружия выросла с 3,7 раз.

Доля новой и модернизированной техники в стратегической ядерной триаде увеличилась с 37% до 81%. Показатель был достигнут за счёт поставок подводных ракетных крейсеров проекта 955 "Борей", модернизированных стратегических бомбардировщиков (Ту-160 и Ту-95МС) и сверхдальних крылатых ракет воздушного базирования Х-101/102. Сюда же входят 80 новых межконтинентальных баллистических ракет и стратегический ракетный комплекс "Ярс", которым оснастили 12 ракетных полков.

Серьёзные успехи были достигнуты в перевооружении Воздушно-космических сил. Доля новой и модернизированной техники в ВКС достигла 73,9% (в 2012 году она составляла 30%).

С 2013 года состав оперативно-тактической авиации ежегодно пополняют свыше 30 боевых единиц: бомбардировщики Су-34, истребители Су-30СМ, Су-35С, МиГ-31БМ, ударные вертолёты Ка-52 "Аллигатор" и Ми-28Н "Ночной охотник".

Более чем 1,5 раза увеличилась возможность войск ПВО-ПРО в сфере разведки, контроля воздушного пространства и огневого поражения. Это стало возможным благодаря поставкам новейших радиолокационных станций (РЛС), средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и зенитных

ракетных комплексов (ЗРК). Дальность радиолокационного возросла в 3,5 раза.

В Военно-морском флоте РФ доля новых и модернизированных видов вооружений выросла с 52% до 61,9%. Его пополнил более 150 кораблей и судов различного предназначения, включая новейшие образцы, вооружённые ракетным комплексом

"Калибр". Около 60 летательных аппаратов получила морская авиация. Огневого потенциал береговых войск был укреплен не только дивизионами ракетных систем "Бал" и "Бастион".

Большой прорыв с 2012 года был совершён в сфере оснащения Вооружённых сил России высокоточным оружием большой дальности. Помимо "Калибров", армия продолжила получать оперативно-тактические ракетные комплексы (ОТРК) "Искандер-М", предназначенные для уничтожения командных пунктов, укрепленных наземных целей и крупных надводных сил противника. Заметно улучшилась ситуация в Сухопутных войсках, где доля новых вооружений возросла с 15% до 45,8%, а доля исправной техники составляет 98%. С 2012 года мотострелковые, артиллерийские и танковые части получили более 10 тыс. современных образцов оружия. Огневая мощь Сухопутных войск увеличилась на

45%, живучесть — на 30%, манёвренные возможности — на 50%.

Только в 2018 году в рамках заданий гособоронзаказа в войска было поставлено около 2 тыс. основных образцов вооружений и военной техники. Среди них 74 самолёта и вертолёта, 80 беспилотных летательных аппаратов, четыре полковых

комплекта зенитных ракетных комплексов С-400, пять надводных кораблей, 250 танков и боевых бронемашин.

И, что очень важно, процесс перевооружения на этом не завершается. Новая государственная программа вооружения (ГПВ) предусматривает, что до 2027 года в Российскую армию будут поставлены серийные образцы оружия нового поколения. Это межконтинентальные баллистические ракеты "Сармат", ЗРК С-500 "Прометей", истребители пятого поколения Су-57, самоходные артиллерийские установки "Коалиция-СВ", танки Т-14 "Армата", гиперзвуковые боевые комплексы "Кинжал", "Авангард", "Циркон".

Такие количественные изменения не могли не привести к качественным. 2 ноября прошлого года издание "Business Insider" опубликовало рейтинг самых сильных армий в Европе, в котором Россия заняла первое место. А в мировом рейтинге

делит его с армией США. Сегодня мы можем быть спокойны за мирное небо над нашими головами. Никакому агрессору не придёт в голову нарушить наши границы или бросить нам вызов.

Естественно, в нашей прозападной либеральной среде такие масштабные изменения не могли не вызвать бешеную критику. Тезисы были всё те же, что и тридцать лет назад, когда только начиналось разрушение фундамента, на котором стоял Советский Союз.

Зачем нам столько вооружений? Народу нужно масло вместо пушек и томографы вместо самолётов.

Военный бюджет съедает ресурсы, которые нужны стране для мощного экономического роста в будущем.

Бедная Россия не может себе позволить такие траты на оборону.

Вот только главный аргумент того времени — что нам никто не угрожает, и весь передовой западный мир стремится к добрососедству и братскому сосуществованию с нами — больше не упоминается. После разрушенной Югославии, превращённых в хаос Ирака и Ливии и баз НАТО, развёрнутых у самой границы России, этот тезис либералами оказался стыдливо забыт...

Всёречь обсуждать эту "заезженную пластинку" бессмысленно. Все эти аргументы давно разобраны и признаны несостоятельными. Сегодня совершенно очевидно, что именно предприятия ВПК являются настоящими локомотивами технического и технологического развития страны. И вместе с военной продукцией они способны поставлять (и поставляют!) самое современное наукоёмкое оборудование невоенного назначения: от средств связи и радиолокации до медицинского оборудования, авиации и судов.

Нелепо и утверждение о неких сверхрасходах России на оборону в период продолжающегося экономического кризиса. На самом деле, все три последних года доля военных расходов российского бюджета постоянно уменьшалась. "В валовом внутреннем продукте в 2019 году он составил 2,9% (США — 3,1%), в 2018 году составляла 3,0% (США — 3,0%), в 2017 году — 3,4% (США — 2,9%). При этом роль армии в условиях экономики — роль истребителя безработицы: ежегодно в ВС РФ по контракту приходит служить более 100 тыс. человек, многие из которых утратили работу "на гражданке". Одновременно армия — это канал эмиссии денег. Военная продукция не нуждается ни в рекламе, ни в перепродаже, ни в сетях распространения и тем самым — почти идеальный товар для "слива" инфляции. То есть роль строго противоположная той, что российский армии приписывают либеральные убийственники.

Но все эти экономические плюсы ничто по сравнению с самым главным стратегическим "продуктом", который производит Вооружённые силы Российской Федерации. Этот продукт называется "безопасность", и именно он позволяет уверенно планировать макроэкономическое будущее страны, развивая её экономику, строить, обучать, лечить. Армия была, есть и останется важнейшим краугольным камнем государства.

Владислав ШУРЫГИН